

на семьдесят – восемьдесят километров, захватывала пленных, передавала данные по радио. Армейская разведка подполковника Волошина располагала полной картиной обороняемого врага. Такая основательность подготовки для автора – один из важнейших уроков, усвоенных к лету 1944 года.

Кульминацией витебского повествования становится эпизод, когда атака начинается раньше намеченного срока. Молодые солдаты 5-го гвардейского корпуса, увидев убегающих из первой траншеи немцев, сами устремились вперед и захватили её. Командарм оказался перед трудным выбором: остановить наступление ради сохранения утверждённого графика или поддержать успех, изменив уже согласованное решение. И Людников приказал развивать наступление. Здесь же появляется одно из самых глубоких размышлений автора о природе военного руководства: «Истинное мужество военачальника заключается в его готовности взять на себя всю полноту ответственности за судьбу тысяч солдат, за все войско» [1, с. 118].

Финалом Витебской операции в мемуарах становится разгром окружённой группировки. Немцы яростно рвались из окружения, на отдельных участках складывалась опасная обстановка, командиры немецких полков и батальонов выбывали один за другим.

В витебских главах Людников по-прежнему сохраняет внимание к конкретному человеку. Снайпер Саша Греков, наводчик Бакланов, разведчики лейтенанта Щербакова, сапёр Блохин – именно через их истории командарм утверждает мысль, ставшую одной из ключевых для всего витебского раздела: «Исход любой, самой тщательно разработанной операции решает в конечном счёте человек с оружием. Не безыменные герои совершают ратные подвиги!» [1, с. 123]. Это и есть связующая нить между двумя этапами мемуаров. Командуя армией, Людников всё так же стремится видеть за оперативной схемой живого солдата. Витебский раздел мемуаров не замыкается на одном сражении. Автор ведёт читателя дальше – к Таурагской операции, к продвижению через Литву и к рубежу Восточной Пруссии. Так Витебск оказывается отправной точкой большого наступательного пути, который привёл армию Людникова к самому порогу Германии.

Заключение. Анализ мемуаров И. И. Людникова показывает, что путь от Сталинграда к Витебску был для него не просто сменой должностей и масштабов командования. Это был путь внутреннего профессионального роста, в ходе которого опыт тяжелейшей обороны преобразовался в умение руководить крупной наступательной операцией. В этом смысле мемуары Людникова ценны тем, что позволяют увидеть войну как процесс формирования военачальника, для которого за каждым решением всегда стояли конкретные люди и их боевая работа.

1 Людников И. И. Дорога длиною в жизнь / И. И. Людников. – М. : Воениздат, 1985. – 232 с.

ЕВРЕЙСКИЕ КЛАДБИЩА В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Казмерчук М.А.,

магистрант 2 курса БрГУ имени А.С. Пушкина, г. Брест, Республика Беларусь

Научный руководитель – Савич А.А., канд. ист. наук, доцент

Еврейские кладбища в межвоенной Польше являлись не только местами погребения, но и важными пространствами сохранения религиозной, культурной и национальной идентичности еврейских гмин. Государственная политика польских властей в отношении еврейских кладбищ нередко отражала не только правовые и административные нормы, но и уровень толерантности, взаимодействия и культурного обмена между еврейским и христианским населением региона.

Материал и методы. При рассмотрении темы были использованы материалы Государственного архива Брестской области, польские законы, а также отечественные (монография А.Н. Вабищевича) и польские (работа Е. Томашевского, статьи Е. Огоновского,

А. Левицкой) научные труды. Методологическая основа исследования обеспечена реализацией требований принципов объективности, историзма, системности и ценностного подхода и применением специально-исторических методов (историко-генетический, историко-диахронический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. В первые месяцы независимости Польши были сохранены правовые основы деятельности еврейских религиозных общин времен немецкой оккупации. Еврейские организации, в первую очередь сионистские, с первых дней независимости стремились создать автономные национальные органы [1, с. 85]. Когда эти усилия не дали результатов, они попытались превратить институты религиозного самоуправления в заменитель национального самоуправления, одновременно добившись единообразия их правовой основы по всей стране. Однако указ Пилсудского от 7 февраля 1919 г. [2] подчеркнул только религиозный характер гмин. Декреты от 28 октября 1925 г. и 9 марта 1927 г. распространили действие этих положений на остальные земли, ранее входившие в состав России [3, с. 67].

Так как наличие кладбища было обязательным условием для организации еврейской религиозной гмины, Закон о финансовом управлении еврейскими религиозными гминами от 1931 г. [4] ввёл нормы плат за кладбищенские участки. Устанавливалось, что плата за кладбищенские участки и памятники не будет утверждена, если ее размер превышает следующие пределы: в малых гминах: 1) плата за место на кладбище была от 10 до 500 злотых, а за памятник от 10 до 1000 злотых; б) в великих гминах плата за место на кладбище составляла от 10 до 1000 злотых, за памятник от 10 до 10 000 злотых. На кладбищах всех гмин должна была быть отдельная зона для бедных, в которой плата за место и надгробие не превышала 10 злотых.

Закон от 17 марта 1932 г. «О поминовении усопших и установлении причины смерти» [5] предоставил законно признанным религиозным объединениям право учреждать, владеть и управлять кладбищами. Согласно закону, все вопросы, связанные с содержанием религиозных кладбищ, возлагались на религиозные органы юридических лиц, а надзор за ними осуществляли органы государственного управления. Земля религиозных объединений, назначенная на постоянной основе только для целей организации кладбища, была освобождена от земельного налога [3, с. 56]. Кладбища должны были располагаться на огороженной территории, подходящей с санитарной точки зрения. 2) На каждом кладбище должен был быть дом предварительного захоронения или морг, которые используются: а) для захоронения тел умерших до момента их захоронения, б) для проведения ритуальных обрядов, в) для проведения судебно-медицинских, санитарных и полицейских экспертиз человеческих трупов. 3) Предпохоронные дома или морги должны были быть созданы на всех кладбищах в течение пяти лет с 1932 г.

Компетентными органами, выносящими решение о создании, расширении или закрытии кладбища, являлись поветовые органы общего управления. За пользование кладбищами учреждения, религиозные объединения и другие юридические лица могли взимать плату, которая использовалась на цели, связанные с его содержанием. Если плата была выше, чем плата, применяемая на ближайшем поветовом кладбище, она подлежала утверждению воеводскими властями [6, Л. 25–27]. Большую роль в заведовании кладбищами оказывали еврейские погребальные братства, такие как Хесед шель эмет («Последняя услуга») и Хевра кадиша («Святой») [7, Л. 114]. Помимо заведования кладбищами, за плату они организовывали похороны (бедных хоронили бесплатно) [8, с. 108].

Заключение. Еврейские кладбища межвоенной Польши выступают важнейшим элементом духовной и культурной жизни еврейских гмин. Они не только сохраняли религиозные традиции и память о предках, но и служили маркером этноконфессиональной идентичности, позволяя проследить духовную культуру и региональную самобытность Западной Беларуси.

1 Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921– 1939 гг.) : манаграфія / А. М. Вабішчэвіч ; Брэст, дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : Выдавецтва БрДУ, 2008. – 319 с.

2 Dekret o zmianach w organizacji gmin wyznaniowych żydowskich na terenie b. Królestwa Kongresowego // Naczelnik Państwa. – 1919. – № 14. – Poz. 175.

3 Ogonowski, J. Sytuacja prawna Żydów w Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Prawa cywilne i polityczne / J. Ogonowski // Zielona Góra : Oficyna Wydawnicza uniwersytetu Zielonogórskiego. – 2016. – № 6. – S. 65–141.

4 Rozporządzenie Ministra Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego z dnia 9 września 1931 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Spraw Wewnętrznych i Ministrem Skarbu w sprawie gospodarki finansowej gmin wyznaniowych żydowskich // Min. Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – 1931. – № 89. – Poz. 698.

5 Ustawa z dnia 17 marca 1932 r. o chowaniu zmarłych i stwierdzeniu przyczyny zgonu // Sejm. – 1932. – № 35. – Poz. 359.

6 Instrukcja Ministerstwa wyznaniowego // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2309. Л. 24–29.

7 Список еврейских благотворительных организаций // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2314. Л. 112–127.

8 Tomaszewski, J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1990. – 114 s.

ИНСТИТУТ РАВВИНАТА КАК ЭЛЕМЕНТ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 ГГ.)

Казмерчук М.А.,

магистрант 2 курса БрГУ имени А.С. Пушкина, г. Брест, Республика Беларусь

Научный руководитель – Савич А.А., канд. ист. наук, доцент

Институт раввината выступал важнейшим элементом структуры еврейских гмин, обеспечивая преемственность религиозной традиции, сохранение духовных ценностей и поддержание национального самосознания еврейского населения. В условиях значительной численности евреев роль раввина приобретала особую значимость: он являлся не только религиозным авторитетом и наставником общины, но и посредником в межкультурном взаимодействии, способствуя контактам и культурному обмену с христианским населением региона.

Материал и методы. При рассмотрении темы были использованы польские законы, а также отечественные (статья Ш. Рудницкого) и польские (работа Е. Томашевского, статья А. Левицкой) научные труды. Методологическая основа исследования обеспечена реализацией требований принципов объективности, историзма, системности и ценностного подхода и применением специально-исторических методов (историко-генетический, историко-диахронический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. Общая задача еврейской религиозной гмины состояла в том, чтобы ее члены могли удовлетворять свои религиозные потребности. Таким образом, в компетенцию гмины входили «организация и содержание раввината, учреждение и содержание синагог, молитвенных домов, ритуальных бань и кладбищ, наблюдение за религиозным воспитанием молодежи, забота об обеспечении еврейского населения кошерным мясом, управление гминным имуществом и фондами, созданными для гмины, а также всем оборудованием и учреждениями, принадлежащими гмине [1, с. 106].

Исходя из того, что основной функцией еврейских религиозных гмин считалось удовлетворение религиозных потребностей, положение раввина как толкователя Торы и Талмуда и первого лица гмины регламентировалось отдельными правовыми актами. Поскольку надлежащий уровень подготовки к служению людей, выполняющих религиозные функции, а также их количество оказывали огромное влияние на интенсивность и масштаб их деятельности, польские власти рассматривали воспитание раввинского персонала как одну из своих приоритетных задач [2, с. 106]. Раввины получали соответствующую квалификацию, обучаясь в школах и семинариях, созданных и управляемых отдельными еврейскими религиозными гминами, но также могли получить соответствующее образование и в государственных учреждениях, что представляло собой «косвенную форму субсидии религиозным объединениям» [3].

Лица на должности раввина и подраввина избирались министром религий и народного просвещения из числа кандидатов, представленных Религиозным советом. Эти должности занимались пожизненно. Отстранение от должности могло иметь место только по требованию Религиозного совета в том случае, если раввин или его подраввин не могли выполнять свои обязанности или когда они совершили действие, несовместимое с достоинством его должности или его обязанностями. Устанавливалось, что раввином